

О так называемых российских культурных матрицах

Даниил Борисович Дондурей

кандидат философских наук, главный редактор журнала «Искусство кино», культуролог, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте России, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству.

Когда ты сталкиваешься с тем, что гаишник, стоящий на «хлебном» повороте дороги, сотрудник налоговой службы, специально делающий ошибки при выдаче обычной справки, или судья, выносящий «нужное» решение после формального соревнования сторон, руководствуются одними и теми же интересами, связанными не с самим этим делом, не с его содержанием, а с проектируемой в связи с ним их личной добычей, то понимаешь: материальная и символическая составляющие нашей культуры представляют собой единое целое. Тут безотказно и автоматически срабатывают некие универсальные, уникальные, неформальные, пронизывающие все и вся правила и способы деятельности. Именно их, блестяще описанных Гоголем и Салтыковым-Щедриним, ты легко узнаешь во многих повседневных ситуациях и живых картинках 2011 года.

Эти малоизученные константы всеобщего действия непонятным образом, но буквально, тотально воспроизводят элементы каждому с рождения знакомой системы жизни – в экономике, в действиях власти, в разрешениях морали, в типе личности, способах поощрения и наказания, в тех самых условиях существования, в которых, к примеру, «властьсобственность» у нас всегда пишется в одно слово, а губернаторов, точно так же как и некогда воевод, сажают «на кормление».

Система российской жизни (СРЖ) на самом деле – это целостный, очень устойчивый, идущий сквозь века мир часто неосознаваемых культурных предписаний и поведенческих практик. Он давно отлажен, достаточно эффективен, постоянно изменяется, принимает самые современные облики, приспособляясь к любым вызовам времени. При этом в качестве внеисторических (точнее, протоисторических) констант социального действия эти неформальные практики в сущности не исследованы, концептуально не отрефлексированы, даже табуированы. Но каждый ребенок в России прекрасно знаком с этими правилами, автоматически и прагматично ими пользуется, поскольку, в отличие от своих западных сверстников, прекрасно знает, что говорить можно одно, думать другое, делать третье, подразумевать четвертое, а в голове держать еще десятки разных контекстов. И все это, в конце концов приводит к повсеместному пользованию теми самыми сверхустойчивыми образцами действий, которые Александр Архангельский называет «матрицами» российской культуры.

Прежде чем высказать несколько своих гипотез на эту сверхсложную междисциплинарную тему, я хотел бы обратить внимание на два, как мне кажется, напрямую связанных с этим методологических обстоятельства.

Во-первых, во всех начальственных, экономических, политических и социальных пространствах у нас принято воспринимать культуру исключительно в узком смысле этого понятия – только как создание особых произведений, разного рода артефактов, предназначенных для сферы досуга. Как жизнь художественных идей и гениев. Культура, по всеобщему убеждению, – это все то, что относится к попечению Министерства культуры, контенту телеканала «Культура» и т.д. Существуют какие-то негласные конвенции относительно того, чтобы не использовать это понятие в широком смысле, как «выращивание», как производство, трансляцию и усвоение смыслов – ценностей, представлений, архетипов, способов поведения, норм, запретов, стереотипов, традиций.

Не привязывать их к объяснению реальной, эмпирической, «настоящей» жизни. Культура – это как бы все то, что осталось после экономики, политической деятельности, внешней и оборонной политики, после социальных отношений. В этом плане она даже не связывается с той или иной концепцией человека. Такая негласная методологическая договоренность есть практически у всех – у граждан, у администраций, у правозащитников, у специалистов по национальной безопасности, у дипломатов, художников, ученых и, конечно, у макроэкономистов, в большинстве своем либералов. Нет привычки рассматривать массовое функционирование общественно значимых представлений, а следовательно, и оценивать работу «фабрик мысли». Даже когда у

нас речь идет об образовании, оно не воспринимается как технология трансляции культуры, пространство операции со смыслами. Именно поэтому, когда наши лидеры говорят о развитии страны, последняя сфера, которая, на их взгляд, ориентирована на интеллектуальные функции, на формирование личности – это образование. Практически никогда – культура.

Во-вторых, невнимание к культуре в ее широком смысле приводит к тому, что три связанных один с другим острейших кризиса современного массового сознания в России редко рефлексированы нашими СМИ, не воспринимаются как насущные гражданские и политические драмы. А ведь стоящие за ними процессы, взаимоусиливая друг друга, ведут к очень серьезным проблемам общественного развития.

Речь, конечно, идет о колоссальном мировоззренческом кризисе, который в постсоветское время уже привел к своего рода распаду нашей страны на две ментально конфликтующие общности. Одна – самая большая (от 60 до 80 процентов населения), живет в этакое – по сути понимания происходящего – протофеодальном времени. Она не считывает цивилизационные вызовы 2011 года, просто не способна это делать. Другая часть граждан – по сотням социологических исследований, проведенным в последние 10 лет, – это от семи до 25 процентов населения – те, кто в мировоззренческом плане действительно живет в наши дни. Остальные не определились. Я имею в виду, в частности, такие характеристики, как массовое представление об экономическом устройстве нашей страны. Почти две трети соотечественников до сих пор не принимают рыночные отношения, частную собственность, ненавидят своих работодателей, 57 процентов во время кризиса 2008 года хотели бы немедленного введения жестких государственных цен, госконтроля за хозяйственными отношениями, до половины населения согласны на пересмотр проведенной в 1990-е приватизации, на национализацию. Подавляющее большинство соотечественников сохраняет огромное уважение к социализму, устоям жизни при советской власти. Трудно было бы представить, чтобы в 1937 году люди бы столь же положительно относились к монархии, Николаю II и свергнутому строю.

Сегодня на воспроизводство и утверждение социалистических отношений работают практически все культурные институции нашей страны, большинство СМИ, от радикальных левых до либеральных ньюсмейкеров, таких, например, как кумир российской интеллигенции Леонид Парфенов. Это относится, конечно, и к образу Иосифа Виссарионовича. В апреле 2011 года лишь около трети населения не принимало исторических заслуг Сталина перед родным отечеством.

И наконец, более 70 процентов россиян считают нынешнюю жизнь несправедливой!

Есть не менее показательные оценки и ценности, имеющие прямое отношение к культуре. Например, в ноябре минувшего года в Москве было проведено исследование отношения столичных жителей к инородцам, к иноверцам. На каких-то символических демонстрируемых уровнях оно достаточно политкорректно. Москвичи знают, что надо публично говорить. Но когда им задаются контрольные вопросы: «Вы согласны, чтобы эти люди жили с вами на одной лестничной клетке?» – более 60 процентов не хотели бы, чтобы представители другой национальности, культуры, вероисповедания, традиции существовали с ними «дверь в дверь». И самое показательное – не хотят иметь рядом «чужих» даже больше, чем тех, кто болен СПИДом, кто вернулся из тюрьмы, больше, чем наркоманов, бомжей или хронических алкоголиков. Вот реально работающие коды идентификации больших социальных групп, идеологические костыли национальной идентификации.

Люди не подпитываются актуальными духу времени идеалами, адекватными моделями будущего, не получают мотиваций по поводу того, ради чего стоит жить. И самое главное: массовая культура, не говоря уже об авторской, не принимает нынешнюю жизнь! По сути не справляется со своей основной миссией. В качестве мощного тормоза в этом плане действуют экономические механизмы финансирования СМИ через рекламу. Уже 15 лет они вынуждены зарабатывать на так называемой негативной селекции содержания как наиболее рентабельной технологии.

Второй кризис, конечно, еще более табуированный, напрямую связанный с мировоззренческим, – это кризис морали. Здесь у нас ситуация еще хуже, чем в идеологии, поскольку в настоящее время российское население никому не доверяет: 59 процентов граждан – только собственной семье. У нас сегодня в сущности отсутствует чувство социальной солидарности. На телевидении в программе «Брачное чтиво» (канал ДТВ) муж заказывает слежку за своей женой, жена – за мужем. Итоги выявления «картин мира» молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, того, как они понимают свою жизнь, ее перспективы – приговор моральной атмосфере нашего общества. Более 60 процентов опрошенных в конце 2010 года считали, что их личное жизненное благополучие не зависит от собственных усилий, от настойчивости личных действий, от твоего трудолюбия, одаренности, ответственности. Молодые строители

инновационного общества воспитываются как рантье и субъекты разных видов государственной опеки.

И, наконец, третий кризис нынешнего состояния культуры – психологическое здоровье российского общества. Кроме самоубийств, где мы, как известно, находимся на втором месте в мире, по многим другим аналогичным показателям – также в лидерах. И по количеству самоубийств среди подростков в возрасте от 10 до 17 лет, и по заболеваниям органов чувств, и по потреблению героина, объему детской порнографии в интернете, по количеству смертей на 10 тысяч населения... На психике в первую очередь сказывается то обстоятельство, что подростки лишены героев, идеалов, положительных романтических прообразов. По депрессии они могут соревноваться только со своими дедушками – мужчинами старше 55 лет, которые умирают не только от «паленой» водки, травматизма или пренебрежения к собственному здоровью. Есть очень интересные международные исследования, согласно которым наши пожилые люди мужского пола уходят из жизни в том числе и в результате психологических факторов, в частности, от отсутствия... жизненного драйва. У них исчезают, изнашиваются индивидуальные практики успешного обыденного существования.

Если столь очевидные кризисы в сфере культуры публично не рефлексированы, то тем более вне пристального внимания нашего общества остаются те ее основания, которые можно отнести к национальной ментальности. Она полностью огорожена, закована в латы академических штудий по разным аспектам этнографии и антропологии. Обозначу лишь некоторые свои гипотезы, касающиеся основной темы – неформальных протоисторических культурных констант российской жизни, слепки которых мы легко можем увидеть в настоящем времени.

Одна из особенностей программирования нашей национальной жизни – она словно избегает знания о самой себе. Будто и не нуждается в достоверной информации относительно собственной природы, скрытых механизмов деятельности, того, что называют «русской спецификой». Тут часто заведомо негативная оценка срывает как негласный запрет на соответствующие исследования. Не случайно же у нас так мало работ, безоценочно анализирующих технологию российской коррупции или рассматривающих реальные функции и эффективность воровства. Достаточно начать с очевидного: с протофеодального по своей сущности функционирования власти. В России она не только беспредельно персонифицирована, но и находится выше всех других систем управления. Причем этот принцип утверждается не в законах, декларациях, а на практике. В соответствии с этим формируются многие социально-психологические архетипы поведения российских граждан, связанные с ответственностью, выработкой программ, с реализацией задуманного. Вот мы обсуждаем с кинематографистами, как нужно разумно потратить три бюджетных рубля, и единственное, что они могут предложить: давайте напишем письмо президенту или премьеру. Их никто этому не учил, но такой способ аппаратного мышления постоянно воспроизводится. Они прекрасно понимают, что человек у нас не воспринимается как живой, самостоятельный, вдохновленный или разочарованный, несмотря на все заверения великой русской литературы Золотого и Серебряного века о том, что он гордый, сильный и «всемирно отзывчивый». По действующей культурной модели индивид часто находится в невидимой крепостной зависимости, является исключительно объектом социального попечения.

Очевидно непереносимое сосуществование в нашей культуре двойного сознания, двойного языка, двойного мышления, присутствия двух народов в составе одного. Обязательное российское «два в одном»: нужно гордиться государством и одновременно воровать у него, служить ему и его ненавидеть. Нужно быть уверенным, что мы окружены, особенно на Западе, хитрыми и злокозненными врагами, но при этом хотим туда переехать, если в России становится особенно тяжело жить.

Тут, можно сказать, повсеместна «жизнь по понятиям», а мир специфического тюремного сознания – мощный, многомерный, касающийся отдельного языка, связей, реакций – есть способ неписанного доверия, возникающий в ответ на недоверие в официальных отношениях, зафиксированных в законах и постановлениях. Пресловутое «договоримся» пронизывает все сферы экономических, политических, социальных связей, а основные институты мысли ежесекундно воспроизводят этот специфический по своему происхождению тип сознания зоны.

Все мы знаем огромное неструктурированное количество поведенческих предписаний, спрятанных в метафорическом словосочетании «специфика российской культуры». Тут и упование на «авось», на «как-то все образуется»; повсеместное устройство фасадов; желание не сделать, а «доделать», «дойти», «досмотреть», «достроить»; ответственность не за взятые тобой обязательства, то есть не моральная, а персоналистская, в первую очередь перед начальством; неуважение к закону, но приятие лжи; терпимость к некоторым формам воровства, к демонстрации насилия; коррупция как доверительная коммуникация; доведение любого дела до

кризиса и затем – мобилизация, его героическое преодоление; хамство и алчность под прикрытием «душевности»...

Самое простое и ошибочное тут – обидеться на очевидную негативность описания этих моделей, посчитать их «очернением» и в очередной раз отказаться от серьезного, безоценочного изучения эффективно действующих в каждом миллиметре российской жизни практик.

То, что некоторые исследователи называют матрицей, на самом деле всего лишь образ тех воспроизводящихся устойчивых кодов, формирующих культурное пространство российской реальности, которые пока трудно как-то назвать. Может быть, это особые ментальные (мотивационные и поведенческие) комплексы, которые условно разнесены по академическим наукам. Они существуют где-то в диссертациях, в специальных книгах, но вы не найдете публично рефлекслируемых текстов, которые бы обучали людей успешно осваивать правила все той же жизни «по понятиям». Не было даже попыток собрать своего рода культурологическую «таблицу Менделеева» подобных неформальных образцов деятельности. А она, мне кажется, все-таки может быть создана. Люди же замечательно ими в своей обыденной жизни пользуются. Странно было бы думать, что их сила в формальной неописанности, в табуированности.

Я убежден, что российский этнокультурный мир невероятно креативен. Не случайно самый выдающийся профессиональный художник в нашей стране – по своим возможностям, ресурсам, творчеству, результатам – это, конечно, бухгалтер! Выдающийся профессионал, он буквально творит невидимую родную реальность. И все участники экономических связей готовы воспринимать мастерство его порой фантастических отчетов. Находятся в сложных конвенциях по считыванию тех подчас несуществующих миров, которые он с блеском «рисует».

Мне непонятно, почему мы не пытаемся осмыслить колоссальные ресурсы каждого элемента этой культурной системы? Ведь только тогда мы сможем целенаправленно, эффективно и с большой пользой для страны заниматься ее продуктивными трансформациями.

«В России сейчас некультуротворческая ситуация»

Даниил Борисович Дондурей

Настоящее время, видимо, один из немногих периодов отечественной истории, когда нация живет без идеалов. Это является следствием и одновременно влечет за собой целый ряд моральных поражений и болезней. А значит, и интеллектуальную, эмоциональную, художественную обессточенность. При этом срабатывают, чувствуют себя вольготно в своих худших проявлениях российские этнокультурные особенности.

– Согласны ли вы с утверждением, что Россия начала терять свою культуру? И что мы живем тем культурным наследием, которое осталось от прошлого?

– Такие резкие утверждения правомерны лишь в определенном контексте, но и при этом носят достаточно ограниченный характер. Культуру нельзя терять, тем более потерять. Она всегда существует, непрерывно воспроизводится. Речь идет, надеюсь, не о культуре в узком смысле слова, когда к ней относят в основном артефакты высокого достоинства – произведения искусства, традиции, обстоятельства, связанные с созданием великих творений, селекцию и жизнь гениев. Очень редко даже в этой ограниченной версии культуры речь заходит о потреблении ее благ, продуктов и услуг.

На самом деле культура – это вся система программирования человеческой деятельности в данном этносе, на определенной территории или конкретном отрезке истории, связанная с ценностями и нормами этого этноса, моральными принципами, образцами поведения, идеалами, стереотипами, национальным характером и целым рядом других мировоззренческих вещей. К культуре мы можем отнести и действующую в этот момент идеологию как картину мира, и, безусловно, этнические матрицы, например, саму природу того, почему «то, что русскому хорошо, то немцу смерть». Это и разного рода предписания, ограничения, табу. В этом смысле культура постоянно пульсирует, видоизменяется. Но при этом она никуда не исчезает. Ни один народ без нее жить не может. Теперь о том, что касается традиционных представлений – создаем ли мы признанные в мире шедевры, благодаря которым любой школьник от Кейптауна до Рейкьявика, от Гонконга до Сиэтла знает, кто такие Толстой, Чехов или Чайковский? Такого уровня произведений мы уже не

производим. Необходимый для этого колоссальный креативный потенциал утерян. В России сейчас – непродуктивная, некультуротворная ситуация: у нас большая драма с мировоззрением. При этом срабатывают, чувствуют себя вольготно в своих худших проявлениях российские этнокультурные особенности. В частности, такие архетипы, подсознательные приоритеты, как нелюбовь к труду, жажда того, что описывается замечательным русским словом «халява», патернализм, страх свободы, надежда на «авось», иждивенчество. Воспроизводятся программы, которые по существу не соответствуют тем идеалам культуры, которые здесь же действовали в XIX и в начале XX века.

– Но любовь народа к «халяве», кстати, не только русского, была и прежде – в XVIII, XIX и XX веках.

– Произошел очень значимый процесс, связанный с тем, что общественная мораль больше не табуирует эти поведенческие модели как негативные, в качестве отрицательных свойств личности, больших социальных групп, целых сословий, да и народа в целом. Плутство, коррупция, казнокрадство, конечно, существовали и в XVI, и в XX веке. Достаточно вспомнить русско-японскую войну 1905 года, когда несколько миллионов пар обуви, поставленных армии, оказались без подметок. Тем не менее отношение к этим явлениям никогда прежде не было в обществе таким нейтральным, терпимым, как сейчас. По большому счету, морально обществом не осуждаемым.

Как и все этнокультурные системы, Россия – уникальный культурный мир, связанный, среди прочего, с двойным языком, двойной моралью, с двойным типом сознания, с двойной судебной системой...

Кстати, это ее креативное преимущество. Чтобы быстро ориентироваться в нашей жизни «по понятиям», нужно уметь считывать довольно сложные коды. Сейчас важные культурные запреты сняты, смикшированы, официальные нормы действуют более расширительно, чем раньше. Насилие, например, символически не оценивается как негативная, неправильная, скрываемая, «нехорошая» практика. Психологически люди к этому привыкли, притерпелись.

– В России всегда существовала система контроля за сознанием. Но в то же время очень многие знаковые произведения создавались вопреки этой системе контроля, как бы противодействуя ей.

– Конечно. Во все времена в нашей стране существовали беспрецедентные системы контроля над инакомыслием, которых в Европе и в других социокультурных системах последние века не было. У нас всегда существовала жесткая вертикаль, когда власть находилась над всеми сферами человеческого общежития, над моралью, правопорядком, экономикой – над всем. Эта схема при всех режимах воспроизводится со времен монголо-татарского ига. Но именно в последние 15 лет общество – вот это суперновость – лишено идеалов, желаемых образцов, которые прежде в какой-то форме, в каких-то масштабах были у интеллигенции. Таких «старых» идеальных устремлений, как, скажем, раскрепостить народ, вывести его из неволи государства, предоставить человеку возможности для развития – подобных устремлений, сильно переживаемых большинством, сегодня нет. Можно сказать, нет вечного, очень важного потенциала российской культуры – «энергии заблуждений». Не осталось гуманитарных заблуждений, свойственных Золотому веку русской культуры, с 1820-го по 1890 годы. И эпохе величайших русских утопий, которые существовали следующие 40 лет, в Серебряный век, с 1890-го по 1930 годы, пока Сталин все это не утопил в крови. Сегодня ничего подобного – видимых и невидимых смысловых рек – в сущности, нет.

С другой стороны, русская культура по природе своей очень креативная, мощная, наполненная, когда сталкивается с проявлением явного тоталитаризма. Современный тоталитаризм куда более хитрый, сложный, нерелефлексированный. Зачастую он использует самые современные технологии, позволяющие обществу выпускать весь интеллектуальный и психологический пар. Сегодня появилось много новых институций, в которых можно говорить абсолютно свободно все что угодно – об авторитаризме, несвободе, состоянии судов, спецслужб, Кремля. Но объем несвободы от этого только увеличивается, уходит в подсознание, в повседневные практики. Новые пиартехнологии распространения значимых смыслов требуют от художников нового мышления. Старые технологии, которые мы знаем по прошлым временам от Державина до Мандельштама и Эфроса, уже не срабатывают. Задействованы другие запреты: разрешения, другая энергетика, другие художественные горизонты, другие коммуникационные системы.

– Но во всем мире существуют пиартехнологии, которые власть использует в своих интересах.

– Безусловно. Только обращаю ваше внимание, что в течение, например, одного предыдущего столетия принципы самого существования, я имею в виду, конечно, не только экономику, но всю систему жизни, ни в одной стране мира не пересматривались настолько тотально, как у нас. Сначала в 1917-м году, потом в 1992-м. Нигде не было полной смены всех оснований устройства социума. В России действовала мощнейшая идеологическая мясорубка – культурная, социальная, мировоззренческая, моральная, эстетическая... Эта мясорубка жестко заменяла одну систему жизни на другую. В результате сегодня, как никогда раньше, потеряв многие источники своей энергии, эта система оказалась содержательно обесточена. Люди в нашей стране не знают, ни в какое время, ни при каком общественном строе, ни с какими идеалами они живут. Часть страны хочет окончательного отторжения социализма, другая – обожает телепрограммы Парфенова и концерты Пугачевой с их ностальгией по прежним устоям.

Существует масса специальных программ на телевидении, которые неявно, тонко, но настойчиво продолжают показывать, что Россия живет в окружении врагов или что либеральная революция виновна в несправедливости происходящего. Очень много таких форматов, производством которых заняты главные «фабрики мысли» – я имею в виду, конечно, телевидение, радио, интернет. Но и элиты не могут создать произведения высокого искусства. Просто не в состоянии это сделать, потому что в наших головах накоплены горы мировоззренческого мусора. Вот и экономисты думают, что могут внедрять универсальные представления о правильной экономике без учета национальной специфики или психологического состояния общества. В нашей стране десятки миллионов еще, к сожалению, живут по схемам 30-х, 50-х, 70-х, 90-х годов. Не больше 20 процентов населения по своим представлениям, картинам мира находится в настоящем времени, в 2011-м. А шесть из каждых семи человек – в прошлом. Они просто не считают вызовы современной жизни, не понимают, как теперь она устроена. Почему, например, не надо ненавидеть своего работодателя. Не понимают, почему воровство – не «эффективная технология», а халявное мышление приведет страну к неотвратимому отставанию в развитии.

– Это означает, что мы говорим скорее не о какой-то варваризации страны в культурном плане, а скорее о растерянности и распутье, на котором сейчас находится большинство населения.

– Я бы с вами согласился только отчасти. Проблемное пространство, на которое я, безусловно, пытаюсь обратить внимание, касается в первую очередь деятельности российских элит. Они сегодня оказались не способными переварить то, что произошло на рубеже 90-х годов. Не смогли предложить идеалы, образцы поведения, сами образы будущего. Не справились с макрозадачами, связанными со снабжением родного народа, всей гигантской этносоциокультурной общности, жизнеспособными программами. Более того, на мой взгляд, не осознают той расширяющейся галактики опасностей, которая в связи с этим постепенно накрывает всю нашу систему жизни. Элиты не считают эти опасности, не ощущают их значимость. Ну, какие-то продвинутые люди, конечно, говорят, что без модернизации нам никуда. Но на самом деле общество по большому счету не осознает истинную причину стагнации в той степени, в какой оно понимало надвигающуюся опасность во время войн или тоталитарного насилия. Шансов выиграть главную, на мой взгляд, конкурентную битву будущего – за качественную, развитую, сложную личность – пока у нас нет. А следовательно, и конкуренцию за адекватное времени развитие культуры. За это, конечно, отвечают все силы общества, но в первую очередь элиты. Они не смогли должным образом напугать высшую политическую власть, не убедили экономистов, что никакие правильные западные модели в нынешних культурных, моральных и мировоззренческих условиях производства смысловых пустот и имитаций выжить не могут.

– Достаточно ли для изменения ситуации просто вкладывать в культуру деньги? Или нужно, быть может, искусственно создавать энергию заблуждений, о которой вы говорили?

– Это все неэффективно. Энергию заблуждений создавать вообще нельзя. Она озникает сама собой, из тысячи факторов. В общем-то, я, видимо, не совсем точное выбрал определение – «энергия заблуждений». Может, более точным словом является культурная утопия. Но

современная утопия представляет – порождает, программирует – куда более сложные процессы, чем это было 100 лет назад.

Мне кажется, что переждать сложившуюся ситуацию уже невозможно – возникает ощущение, что речь идет уже не о жизни, а о выживании. Сегодня нужно невероятно интенсивно заниматься «системной модернизацией системы». На это следует бросить все интеллектуальные силы. Нельзя рассчитывать только на экономические изменения или на что-то, связанное с социальными или политическими благами, предоставляемыми человеку. Нужно взглянуть по-новому на все – политическую систему, гражданское общество, мировоззрение, мораль, российскую культурную матрицу. В плане состояния морали, мне кажется, наша страна в худшем состоянии находилась только в эпоху Гражданской войны.

Но ведь не случайно же эта тема никогда не обсуждается всерьез. Вы не найдете ни одного выступления лидеров или представителей политической элиты России на эту тему. Ни одного экономического текста, где бы речь шла о том, что чувство всеобщего недоверия всех ко всем – важнейший экономический, мультисистемный фактор. Он не позволит что-либо в положительном плане изменить, в первую очередь в экономической сфере. Очевидно же, что экономика и ценностное состояние общества связаны напрямую.

Как лечить все эти болезни, если даже диагнозы не поставлены? Общество адекватно не осознает, что с ним происходит. Во многом мы не знаем той реальности, в которой живем. А значит, ведем себя как дети. Закрыв глаза – и реальности с ее проблемами просто нет. Гигантские ресурсы, территория, население, история, имиджи позволяют и будут позволять еще какое-то количество лет так существовать, самим себя обманывать. Но, я думаю, мы, несмотря на темпы роста автомашин в семье и количество выездов на Запад, мы не должны подвергнуть сомнению тот факт, что наша система жизни сегодня подвержена колоссальной и многомерной и скверно изученной пока болезни.